

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516

Научная статья / Research article

Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991—2019 гг.

А.А. Ирхин^{ID}✉, О.А. Москаленко^{ID}

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация

✉alex.irhin@mail.ru

Аннотация. Черноморский регион (ЧР) становится геополитическим пространством столкновения — прифронтовой зоной формирования новой системы международных отношений. После окончания холодной войны регион из периферийного района мировой политики становится одним из центров конкуренции между региональными и мировыми державами. При этом регион носит не географический, а геополитический характер, который существенно расширяет его границы как минимум в четырех вариациях: ЧР как пространство семи прибрежных государств, ЧР как Балто-Черноморский регион, ЧР как Черноморско-Каспийский регион и ЧР как «нервный узел» Большого Средиземноморья. Рассматриваются геополитические проекты великих держав в отношении Черноморского региона в 1991—2019 гг. Целью является исследование эволюции и динамики реализации указанных геополитических проектов через сопоставление концептуального, доктринального уровней и уровня практической политики субъектов международных отношений в отношении ЧР. Научная новизна заявленной темы состоит в системном исследовании геополитических проектов великих держав в отношении ЧР после окончания холодной войны, который становится в текущий период мировой истории одним из критически важных регионов. Авторы приходят к выводу, что США, ЕС и Турция имеют наступательную стратегию в ЧР, тогда как стратегия РФ после дезинтеграции СССР направлена на сохранение статуса-кво. После 2014 г. США и их союзники приступили к третьей попытке реализации проектов Евроатлантического Причерноморья и проекта Большого Черноморского региона, которые предполагают вытеснение РФ из Черноморского региона. Геополитическое значение ЧР определяется его стратегическим положением на пересечении интересов ключевых игроков международных отношений. Их конкуренция в ЧР осуществляется как на внутрирегиональном (Россия — Турция — ЕС), так и глобальном (США — Россия, Турция, Иран; ЕС — Россия, Турция, США; Китай — США, ЕС, Россия) уровнях, определяя содержание концептуальных подходов к политическому устройству региона и конкретных интеграционных (и инфраструктурных) проектов. Сложность текущей геополитической ситуации в регионе определяется большим количеством конкурирующих держав и меняющимися контурами международной системы в целом.

Ключевые слова: Черноморский регион, геополитический проект, великие державы, Россия, США, ЕС, Турецкая Республика, НАТО

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-114-50055.

© Ирхин А.А., Москаленко О.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: *Ирхин А.А., Москаленко О.А.* Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991—2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 498—516. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516

The Black Sea Region in the Contest of Geopolitical Projects of the Great Powers, 1991—2019

Aleksandr A. Irkhin , Olga A. Moskalenko

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

 alex.irhin@mail.ru

Abstract. The Black Sea region (BSR) is becoming a geopolitical space of clash — a frontline zone for the formation of a new system of international relations. After the Cold War, the region from the peripheral became one of the centers of competition between regional and global powers. It has mostly geopolitical rather than simple geographical character, significantly expanding its borders in at least four variations: the BS as the space of seven coastal states, the BS as the Baltic-Black Sea region, the BS as the Black Sea-Caspian Sea region, and the BS as the “nerve center” of the Greater Mediterranean. The article analyzes the geopolitical projects of great powers in relation to the Black Sea region in 1991—2019. The aim is to study the evolution and dynamics of these geopolitical projects by comparing the conceptual and doctrinal levels, as well as the level of practical policy of the key actors in relation to the Black Sea region. The scientific novelty lies in the systematic analysis of the geopolitical projects of great powers in the BSR after the Cold War, which becomes one of the critically important regions in the current period of world history. The authors conclude that the United States, the EU and Turkey follow an offensive strategy in the BSR, while Russia’s strategy is aimed at maintaining the status quo. After 2014, the USA and its allies have embarked on a third attempt to implement the Euro-Atlantic Black Sea project and the Greater Black Sea project, which involve the displacement of the Russian Federation from the Black Sea region. The geopolitical significance of the BSR is determined by its strategic location at the intersection of the interests of key actors. Their competition in the BSR is carried out both at the regional (Russia — Turkey — EU) and global (USA — Russia, Turkey, Iran; EU — Russia, Turkey, USA; China — USA, EU, Russia) levels, determining the content of conceptual approaches to the political structure of the region and specific integration (and infrastructure) projects. The complexity of the current geopolitical situation in the region is determined by a large number of competing powers and changing contours of the international system. The main axis of intra-regional competition in the BSR is focused on achieving a balance of power between Russia and Turkey.

Key words: Black Sea region, geopolitical project, great powers, Russia, EU, USA, Turkey, NATO

Acknowledgements: The reported study was supported by RFBR, project number 20-114-50055.

For citation: Irkhin, A. A., & Moskalenko, O. A. (2021). The Black Sea Region in the Contest of Geopolitical Projects of the Great Powers, 1991—2019. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 498—516. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516>

Введение

Существующая система международных отношений (СМО) трансформируется за счет объективной конкуренции между главными, но противоположными тенденциями — глобализацией и регионализацией как проявлениями универсального мирового порядка и логики «сфер влияния». В этой конкуренции стремление к контролю над ключевыми регионами мира остается основным императивом держав: как сторонниц поддержания

однополярного мира, так и многополярного. Одним из ключевых регионов является Черноморский регион (ЧР), который в современной мировой политике имеет стратегическое положение на пересечении интересов ключевых игроков. Как покажет проведенное исследование, каждая из держав под ЧР подразумевает свой вариант его конфигурации и на этой основе предлагает и реализует геополитические проекты (ГП), которые вступают во взаимодействие и конкуренцию друг с другом.

Объектом исследования является ЧР, предметом — ЧР в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991—2019 гг. Цель состоит в исследовании геополитических проектов великих держав в отношении ЧР в хронологических рамках 1991—2019 гг.

Задачи исследования заключаются в следующем:

— определении моделей геополитического позиционирования ЧР в современных геополитических концепциях и проектах;

— исследовании геополитических проектов великих держав в отношении ЧР;

— изучении основных положений внешней политики США, ЕС, России и Турции после окончания холодной войны в отношении ЧР.

В основе методологии исследования лежат системный, геополитический и цивилизационный подходы.

Авторы, опираясь на исследования Т. Шаклеиной (2011), И. Шамина (2012), А. Гольцова (2016), под ГП великих держав понимают ограниченный во времени, обеспеченный соответствующими ресурсами и поставленной целью проект в отношении преобразования геополитического пространства различного масштаба со стороны государств — региональных и мировых лидеров.

Дискуссии по определению границ ЧР

При исследовании ЧР возникает проблема определения его границ. Прибрежный принцип позволяет выделить семь государств: Россия, Турция, Украина, Грузия, Болгария, Румыния и Молдова, имеющих выход к берегам Черного моря. М. Айдин с точки зрения политической и экономической безопасности и стабильности говорит о наличии геостратегических оснований связать черноморскую территорию с территорией Кавказа, Каспия, Восточной и Юго-Восточной Европы (Aydin, 2004, p. 6).

Ряд исследователей оперирует понятием «Балтийско-Черноморское пространство» или «Балтийско-Черноморский регион» (БЧР) (Sinovets & Maksymenko, 2020; Zazhigaev,

2009; Левик, 2014; Левченков, 2020). При этом проявляется явное разделение на сторонников БЧР как имеющего естественное происхождение и существование и на воспринимających его как искусственную конструкцию, результат геополитического проектирования; конфигурация ЧР зависит «от интересов тех субъектов международных отношений, которые реализуют в отношении его определенный внешнеполитический курс» (Тупота, 2015, с. 142).

А. Гольцов отмечает существенные изменения структуры СМО в современном мире, вследствие чего становится возможным возникновение новых региональных объединений. Одним из последствий нынешней конфронтации между Западом и Россией явилась актуализация проектирования в БЧР геополитических интеграционных структур, например «Междуморья» (Гольцов, 2016, с. 95). На основе желаемой модели может быть создан ГП как стратегический план действий, имеющий своей целью трансформировать геопрограммную структуру той или иной политической системы (Гольцов, 2016, с. 96).

М.В. Ильин является последовательным сторонником естественного происхождения и существования БЧР (Ильин, 2009; Ильин, Мелешкина, 2012): геополитическая Балто-Черноморская система (БЧС) лежит в географическом Балто-Черноморском «Междуморье» (Ильин, 2008, с. 180).

Существуют концепции, объединяющие черноморское пространство со Средиземноморьем в одну геополитическую единицу — Большое Средиземноморье¹. Черноморское пространство включается экспертами и в состав Черноморско-Каспийского региона (ЧКР) (Волович, 2008). Как отмечает украинский исследователь Л. Максименко, термин «начал активно использоваться с 1991 г., но и теперь нет [его] четкого определения.

¹ Ильин М.В. Вводный очерк для Большого Средиземноморья // ResearchGate. January 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/338901203_Vvodnyj_ocherk_dla_Bolsogo_Sredizemnomora (дата обращения: 26.04.2021). DOI: 10.13140/RG.2.2.22076.18569. См. также: (Irkhin & Moskalenko, 2020; Нечаев и др., 2019; Чихарев, 2021).

Аналитики чаще всего относят к этому региону такие страны: Азербайджан, Болгарию, Армению, Грузию, Иран, Казахстан, Киргизию, Молдову, Россию, Румынию, Таджикистан, Турцию, Туркменистан, Узбекистан, Украину» (Максименко, 2005, с. 137).

А.Р. Никифоров отстаивает прибрежный принцип определения ЧР в качестве самостоятельного, отмечая начало деструктивной фазы его развития, которая характеризуется дроблением береговой линии между образующимися новыми государствами в конце 1980—1990-х гг. и до настоящего времени, что вновь и надолго делает его центром внимания мировых центров силы (Никифоров, 2016; 2018).

Р. Асмус (*A New Euro-Atlantic Strategy...*, 2004; Асмус, 2007) предложил концепцию Большого Черноморского региона (Большой ЧР; *wider Black Sea region*), включив в него все прибрежные государства, причем государства Южного Кавказа упоминаются в связи с «евроазиатским энергетическим коридором», связывающим Евро-Атлантическое сообщество с энергоресурсами Каспия и Центральной Азии (Асмус, 2007). Данный подход к геополитическому районированию региона был озвучен М. Брайзой (Bryza, 2006), который в 2006 г. декларировал готовность США воспринимать регион как целостный и влиять на формирование его экономико-политической идентичности. Согласно этому подходу, регион включает десять государств: Россию, Украину, Турцию, Грузию, Армению, Азербайджан, Болгарию, Румынию, Молдову и Грецию (Тупота, 2015, с. 142). В попытках выделения ЧР проявляется и институциональный подход, связанный с деятельностью Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) в составе 12 государств.

Обобщенную позицию в отношении региона выразим через тезисы украинского профессора А. Гончаренко о ЧКР: «Это чрезвычайно важная и чувствительная зона на краю между Хартландом и Римландом, которая имеет огромные природные ресурсы и стратегически важные транспортные и энергетические коридоры. Как сегодня, так и в будущем контроль над регионом фактически

означает контроль над всей Евразией» (Гончаренко, 2005, с. 9).

В ЧР действуют три группы акторов: 1) мировые державы — США, Россия, ЕС; 2) региональные державы в лице, прежде всего, Турции, которая стремится перейти в круг великих мировых держав; 3) более слабые акторы — Украина, Грузия, а также другие государства, являющиеся объектами политики со стороны первой и второй группы; международные организации — ОЧЭС, НАТО, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), ЕС, ОБСЕ, СНГ, Организация за демократию и экономическое развитие — ГУАМ (ОДЭР—ГУАМ), Содружество демократического выбора (СДВ).

США и ЧР

После окончания холодной войны в ЧР уже в третий раз за столетие сложилась новая геополитическая реальность, когда восточно-европейские страны вынуждены играть роль объекта манипулирования со стороны ведущих держав в создании санитарного кордона. Почти одновременное расширение НАТО и Евросоюза на Восток привело к резкому нарушению военно-стратегического баланса, сложившегося после Второй мировой войны. Хотя Запад после окончания холодной войны становится более разобщенным, в моменты обострений отношений с Россией его действия отличаются скоординированностью.

В период между 1991 и 1997 гг. США переживали период дискуссий о дальнейшем внешнеполитическом курсе. Вакуум внешнеполитического влияния на южных границах бывшего СССР заполнил главный союзник США в этом регионе — Турецкая Республика — через слабо структурируемый геополитический проект ОЧЭС. Однако в 1997 г. было создано другое интеграционное объединение — Организация за демократию и экономическое развитие ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдова; ГУАМ — после выхода из состава Узбекистана) с явной американской проекцией. Так, грузинский академик В. Папава, анализируя интеграционные процессы в регионе, обращается к геополитическим исследованиям евразийского

континента Зб. Бжезинского, который выделил Украину, Азербайджан, Южную Корею, Турцию и Иран в качестве геополитических центров региона (Папава, 2008).

Интеграционное объединение, показавшее свою неэффективность, тем не менее, формально продолжает существовать. При этом в данном ГП просматриваются цели, которые достигают США в регионе: 1) энергетическая; 2) создание санитарных заслонов между действующими и потенциальными конкурентами США; 3) поддержание геополитического плюрализма на Евразийском континенте.

Задача диверсификации путей транспортировки энергоносителей впервые была актуализирована в 1997 г. в Стратегии национальной безопасности США в виде приоритета разработки энергоресурсов Каспийского бассейна², а в Стратегии 1998 г. получила конкретную формулировку³ и практическую реализацию: в марте 1999 г. Чешская Республика, Венгрия и Польша стали новыми членами Альянса. В 1997 г. был заключен основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между РФ и НАТО, а в 1999 г. на Стамбульском саммите стран — участниц ОБСЕ США инициировали подписание соглашения о прокладке по территории Азербайджана, Грузии и Турции трубопровода Баку — Джейхан (Тупота, 2011, с. 56).

В период 1990—2000-х гг. проблемы ЧР заняли одну из ключевых позиций в рамках научно-исследовательской и практической деятельности американских аналитических центров. С 1997 г. Вашингтон разрабатывает и апробирует новый внешнеполитический подход по переформатированию Евразии — концепцию «Больших пространств». В 2004 г. «Германский фонд Маршалла Соединенных Штатов» (*The German Marshall Fund of the*

United States) представил концепцию «Развитие новой Евро-Атлантической стратегии в отношении Черноморского региона» (*Developing a New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region*), содержание которой было кратко изложено авторами в авторитетных источниках стран региона (Asmus, 2004; Асмус, 2007). Она явилась одной из первых попыток концептуального оформления тех практических шагов, которые США предпринимают в регионе с начала 1990-х гг., с перспективой упрочения позиций на данном пространстве.

Эта же цель отражена в еще одном варианте внешнеполитической стратегии США в ЧР, разработанном в 2006 г. сотрудниками Фонда «Наследие» (*The Heritage Foundation*) в работе «Стратегия США в Черноморском регионе» (*US Strategy in the Black Sea Region*) (Cohen & Irwin, 2006). Обе стратегии были направлены на концептуализацию процесса вытеснения России из региона за счет продвижения «евро-атлантической общности» в восточную часть ЧР: Украину, Грузию, Молдову, а также Азербайджан и Армению. Последние государства включаются ведущими американскими институтами в данную региональную общность, так как они, по их мнению, представляют собой геополитически целостный регион — Большое Причерноморье (Bryza, 2006). В рамках вышеперечисленных американских стратегий в процессе вытеснения России из ЧР предполагалось использование двух факторов: 1) замена российских миротворцев на международные военные силы; 2) диверсификация путей поставки ресурсов из этого региона путем существенного вытеснения российских энергетических компаний (Irkhin & Moskalenko, 2020).

Современные американские подходы в отношении ЧР определяются тремя факторами, раскрывающими содержание и направленность американской внешней политики:

1) обеспечение диверсификации поставок нефти и газа в обход России и создание надежного военно-стратегического плацдарма и оперативной инфраструктуры, которая может быть использована в любых операциях, которые США и НАТО смогли бы проводить в регионах, сопредельных с Черноморским;

² A National Security Strategy for a New Century, May 1, 1997. P. 27// National Security Strategy Archive. URL: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-1997/> (accessed: 26.04.2021).

³ A National Security Strategy for a New Century, October 1, 1998. P. 38 // National Security Strategy Archive. URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-1998/> (accessed: 26.04.2021).

2) фундаментальной основой американской стратегии в Евразии является логика поддержания геополитического плюрализма (Бжезинский, 2007, с. 140), в том числе и за счет создания Балто-Черноморской дуги, которая может быть продолжена на Восток через Закавказье до Центральной Азии;

3) таким образом, вычленяется и задача американской геостратегии — создание изоляционного заслона в виде дуги от Прибалтики до Центральной Азии. Поэтому стоит задача расширения НАТО на Восток через включение в союз не только Украины и Грузии, но и Армении и Азербайджана. В случае реализации данного сценария США получают ключевой контроль над Германией и Францией, Россией, Турцией, Ираном и Китаем — неоимперскими центрами будущей СМО (Ирхин, 2011, с. 245).

На практическом уровне политики американские императивы реализуются через два геополитических проекта: ОДЭР — ГУАМ (1997 г.: Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова) и СДВ (2005 г.: Украина, Грузия, Молдова, Латвия, Литва, Эстония, Словения, Северная Македония, Румыния). Два проекта, помимо прочего, объективно направлены на блокирование восстановления целостности постсоветского пространства и реализации российских интеграционных инициатив в рамках процессов евразийской интеграции.

ЧР в геополитических проекциях ЕС

Несмотря на то, что США и ЕС являются стратегическими союзниками, политика Брюсселя в ЧКР в значительной мере отличается от политики Вашингтона как по целям, так и методам их достижения. Если в основе политики США в регионе лежит задача геополитического доминирования и вытеснения из него России, то для ЕС жизненно важным является доступ к энергоресурсам Каспия. К тому же уровень конкуренции между Россией и ЕС является менее жестким, чем между Россией и США, поскольку бассейн Черного моря и Кавказ являются частью Большой Европы, и ЕС имеет больше оснований для присутствия в регионе, чем США. ЕС и Россия — скорее партнеры, чем конкуренты,

при этом более взаимозависимы, чем каждая из сторон зависит от США. Более того, Брюссель пытается проводить независимую или отличную от американской политику на международной арене, и в частности в ЧКР, что не исключает сотрудничества и взаимодействия между Брюсселем и Вашингтоном. В моменты обострения отношений с Россией и Брюссель, и Вашингтон, как правило, усиливают координацию своих действий (Волович, 2008 с. 13).

До начала XXI в. ЕС не проявлял системного интереса к ЧР. Однако после присоединения к ЕС в мае 2004 г. 10 новых членов положение изменилось, а «отношения Евросоюза с государствами постсоветского пространства как некое целостное направление внешней политики начали формироваться в 2002—2004 гг., когда была разработана Европейская политика соседства (ЕПС), включающая в себя также сотрудничество со странами Средиземноморского бассейна»⁴. ЕПС продемонстрировала яркий положительный пример распространяющейся в Восточном регионе мощи ЕС, что позволило Союзу зарекомендовать себя в качестве глобального актора. Появились очертания «подлинной» внешней политики ЕС периода 1993—2004 гг. по отношению к тем располагающимся на Востоке континента государствам, которые не обладают реальными перспективами на вступление (Пенке, 2005). Новый внешнеполитический курс ЕС — ЕПС — стартовал в 2004 г. с целью формирования привилегированных отношений и активизации сотрудничества в различных сферах деятельности между Союзом и его 16 соседями на Юге и Востоке (Горюнова, 2011, с. 108—109).

Присоединение Румынии и Болгарии к ЕС привело к тому, что Черное море было провозглашено «зоной европейской ответственности», и в 2007 г. Европейская комиссия представила новую инициативу регионального сотрудничества — «Черноморская

⁴ Стрелков А. Политика Европейского союза на постсоветском пространстве: вызовы и шансы для России? // Перспективы. 09.04.2009. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35930> (дата обращения: 09.04.2021).

синергия» (*Black Sea Synergy*), которая была «предназначена для того, чтобы привлечь политическое внимание к ЧР и создать новые возможности посредством улучшения сотрудничества с Евросоюзом» (Пашковская, 2017). Она также создавала возможности для улучшения сотрудничества как с Турцией, так и Россией. Инициатива в основном сосредоточена на обеспечении энергетической безопасности, а также вопросах развития инфраструктуры, окружающей среды, морской политики, рыболовства и торговли. Эксперты отмечают, что «Черноморская синергия» все еще сохранила статус актуального элемента ЕПС как один из важных факторов в переговорах о вступлении Турции в Евросоюз (Чеботарь, 2019, с. 93—94).

Августовская война 2008 г. продемонстрировала наличие противоречий между ЕС и РФ, ужесточив риторику, однако не приведя к концептуальному переосмыслению действий ЕС, сделавшего ставку на развитие ЕПС, которая приобрела новые измерения. Вскоре после окончания августовской войны на Кавказе ЕС созвал чрезвычайный саммит по ситуации в Грузии, на котором была принята резолюция, отмечавшая, что «более чем когда-либо необходимо оказать поддержку региональному сотрудничеству и укрепить отношения с восточными соседями, в частности, на основе политики добрососедства, инициативы “Черноморская синергия” и Восточного партнерства»⁵.

Еще в мае 2008 г. была впервые обнаружена совместная польско-шведская инициатива «Восточное партнерство» (ВП), а в мае 2009 г. в Праге прошел первый саммит ВП. Эскалация конфликта в Закавказье в августе 2008 г. ускорила процесс выработки программы и придала ей более жесткие формулировки. Если в первоначальном варианте говорилось, что «новая политика ЕС вторична по отношению к взаимодействию с Россией и лишь дополняет его», то в итоговой версии

указывается, что «Восточное партнерство будет развиваться параллельно сотрудничеству с Россией», как подчеркивает А.А. Стрелков⁶.

Тем не менее нельзя считать ВП исключительно ответом на российские действия по отношению к Грузии. ВП должно было усовершенствовать возможности ЕПС, позволив новым государствам — членам ЕС заявить о своих внешнеполитических приоритетах⁷.

Программа стала результатом критического анализа начального этапа ЕПС — помимо стран — членов ЕС в ней участвуют и шесть восточноевропейских стран-партнеров: Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Молдова и Украина. В терминологии ЕС появились изменения: государства, на которые распространяется действие ВП, принято называть «восточными партнерами» ЕС (вместо прежней классификации — «восточно-европейские и южно-кавказские соседи ЕС»). Инициатива не предусматривает перспективу получения полноправного членства в ЕС для участников со стороны СНГ, при этом не исключая ее категорически (Косикова, 2012, с. 172).

Анализ политики ЕС в отношении ЧР позволяет сделать вывод, что она носит наступательный характер. Если в 1990-е гг. ЧР не рассматривался в качестве целостного, то такие геополитические проекты, как «Черноморская синергия» и «Восточное партнерство», интегрировали регион в виде двух региональных конфигураций в стратегию экспансии ЕС — ЧКР и БЧР.

На практическом уровне эволюция политики ЕС в отношении ЧР включила в себя этапы становления и реализации ЕПС в 2004 г., затем появилась «Черноморская синергия» с ее содействием региональному сотрудничеству и безопасности. В 2008 г. была принята инициатива «Восточное партнерство» с акцентом на гармонизацию и большую интеграцию государств Балто-Черноморской дуги с ЕС с возможным предоставлением

⁵ Rozoff R. Eastern Partnership: The West's Final Assault On the Former Soviet Union // Global Research. February 13, 2009. URL: <https://www.globalresearch.ca/eastern-partnership-the-west-s-final-assault-on-the-former-soviet-union/12299> (accessed: 07.04.2021).

⁶ Стрелков А. Восточное партнерство: первые результаты // Перспективы. 26.03.2010. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=51336> (дата обращения: 09.04.2021).

⁷ Там же.

ассоциации. За счет «Восточного партнерства» Евросоюз объективно сформировал ситуацию конкуренции интеграционных проектов с Россией на постсоветском пространстве, ядром которой является ЧР. При этом необходимо учитывать, что ЧС в целом повторяет рамки американского проекта «Большой ЧР», а «Восточное партнерство» отвечало одной из трех задач американской геостратегии в отношении Евразии — созданию санитарных барьеров между геополитическими центрами.

ЧР во внешнеполитической стратегии Турции

В настоящее время Турецкая Республика (ТР) является региональной державой в ЧР и Черноморско-Средиземноморском регионе (ЧСР) с секторальным лидерством в глобальном масштабе. Ее проектную деятельность в отношении ЧР можно соотнести с этапами внутреннего развития самой Турции и внешними факторами, которые формируют четыре этапа:

1) 1990—2002 гг. — время активной интеграционной политики Турции в отношении региона и согласованность действий с западными союзниками, прежде всего США: формализованная ОЧЭС, неформализованный проект «Великий Туран»;

2) 2002—2008 гг. — от прихода ПСР к власти до пятнадцатидневного конфликта в Южной Осетии: российско-турецкое сближение и движение «Черноморской гармонии» (ЧГ) — российско-турецко-украинской военно-морской инициативы в противовес американской операции «Активные усилия» в Средиземном море;

3) 2008—2014 гг. — формирование и движение турецкой «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе» и сближение Турции и России;

4) с 2014 г. Турция приступает к реализации более открытой и наступательной политики в ЧР, которой присущи черты согласованности с Западом по сдерживанию России после воссоединения с Крымом в 2014 г.

На сегодняшний день стало очевидным, что Турция сделала выбор в сторону имперского возрождения, и европейский вектор

более не рассматривается как магистральный. Идеологическое направление позволяет Турции выходить на глобальный уровень влияния и позиционировать себя защитником мусульман всего мира. Для подтверждения данного статуса Турция проводит масштабные инвестиции в сферу «мягкой силы», которые в условиях наличия привлекательной идеологии показывают свою эффективность (Ирхин, Москаленко, 2021).

В период между 1991 и 1997 гг. активную роль в преобразовании ЧР играла именно Турция, которая одновременно выступала в качестве проводника интересов США. Идею создания «Черноморской зоны процветания и сотрудничества», предполагавшей участие в этом проекте всех государств, имевших на тот момент выход к Черному морю: СССР, Турции, Румынии и Болгарии, — озвучил еще в 1990 г. президент Турции Тургут Озал, а через два года была подписана Стамбульская декларация, провозгласившая создание организации «Черноморское экономическое сотрудничество» (ЧЭС). Соучредителями стали Албания, Армения, Азербайджан, Болгария, Грузия, Греция, Молдавия, Румыния, Российская Федерация, Турецкая Республика и Украина (в дальнейшем к ним добавилась Сербия). 5 июня 1999 г. на саммите организации в Ялте был принят Устав и учреждены надгосударственные структуры, после чего организация приобрела свой нынешний вид и современное название — Организация Черноморского экономического сотрудничества. Однако за почти два десятилетия ОЧЭС не реализовала ни одного масштабного проекта и практически не продвинулась по пути экономической интеграции ЧР (Никифоров, 2016, с. 79).

Тем не менее несовпадающие, иногда противоречащие друг другу внешнеполитические позиции участников ОЧЭС не препятствуют обсуждению и частичному совместному решению ряда проблем, при этом входящие в нее страны, не имеющие дипломатических отношений (Россия — Грузия, Армения — Азербайджан, Армения — Турция), получают возможность взаимодействовать (Язькова, 2016, с. 2). Первоочередная задача

ОЧЭС — развитие экономического сотрудничества в регионе Черного моря, продвижение различных интеграционных проектов от глобальных до более мелких (Иваницкая, 2019, с. 235).

Как справедливо подчеркивает украинский профессор В. Дергачев, «после распада Советского Союза... экономическое сотрудничество должно было стать гарантом стабильности в регионе, способствовать взаимопониманию славянских, тюркоязычных и других народов. Однако этого не произошло... Парадоксальная особенность Черноморского экономического сотрудничества заключается в том, что большинство стран, игнорируя реальную географию и геополитику, декларируют стратегический европейский или проамериканский выбор» (Дергачев, 2008, с. 22—43). Более того, отмечая в октябре 2008 г., что ЧР «втягивается в международный глобальный конфликт», а «обстановка в регионе стала взрывоопасной», он подчеркнул, что это замораживает на неопределенное время реализацию многочисленных коммуникационных и энергетических проектов, делая ЧР непривлекательным для инвестиций (Дергачев, 2008, с. 36).

Болгарский эксперт П. Желев отмечает, что страны ЧР в значительной степени не смогли интегрироваться со своими соседями, несмотря на общие уровни зависимости от внешней торговли: цепочки поставок на Черном море в значительной степени связывают регион с внешним миром, в первую очередь с Европой и Азией, а не соседними странами. Страны Черного моря связаны своей физической близостью, но сильно различаются по территории, населению, экономической структуре и политической ориентации⁸. Кроме того, политическая и экономическая ориентация стран ОЧЭС не способствует экономической интеграции региона. Хотя Турция и являлась инициатором создания ОЧЭС, она в итоге не стала локомотивом организации

в силу собственной относительной экономической слабости, а также ряда вышечисленных причин, не способствующих экономической интеграции ЧР. Воссоединение Крыма с Россией в 2014 г. повысило уровень разобщенности внутри ОЧЭС.

Еще один проект Турции, который активно реализовывался с начала 1990-х гг., можно условно обозначить как «Великий Туран» — проект, основанный на идеях пантюркизма, целью которого являлось объединение всех тюрков, проживающих на территориях, простирающихся от Балкан до Великой Китайской стены, под эгидой Турции, и ЧР стал сердцем этого проекта. Он имел две прагматичные задачи: 1) ускорить процесс суверенизации на постсоветском пространстве и 2) обеспечить продвижение Анкары к ресурсам Каспийского региона и Центральной Азии. Однако из-за финансовых трудностей к концу 1990-х гг. проект был свернут. В 2009 г. начался новый этап реализации турецкого пантюркистского проекта под брендом Тюркского совета.

После прихода к власти умеренных исламистов в 2002 г. и вплоть до 2014 г. ТР держала курс на сближение своих позиций в ЧР с РФ. Это отражалось в таких проектах, как «Черноморская гармония» (ЧГ) и «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе» (ПССК).

В начале 2003 г. руководство Турции выступило инициатором проведения в акватории Черного моря операции с условным наименованием «Черноморская гармония» (*Black Sea Harmony*). Цель операции — установление постоянного присутствия с задачей предупреждения, предотвращения и устранения угрозы терроризма и нелегальной транспортировки оружия массового уничтожения. Цели и задачи операции в основном совпадали с целями и задачами операции НАТО «Активные усилия» в Средиземном море. Фактически эта операция является ее дополнением, хотя проводится национальными вооруженными силами Турции (Королев, 2011, с. 26). В ноябре 2004 г. Турция официально пригласила причерноморские страны к участию, и в декабре 2006 г. РФ присоединилась

⁸ Zhelev P. Challenges of Economic Integration in the Black Sea // Middle East Institute. September 27, 2020. URL: <https://www.mei.edu/publications/challenges-economic-integration-black-sea> (accessed: 07.04.2021).

к операции «Черноморская гармония». По сути, с этого момента программа была направлена на недопущение проникновения США в регион. ТР, выстроив таким образом военно-политический параллельный механизм, методами не прямой стратегии блокировала американскую экспансию в Черном море.

В течение 2000-х гг. ТР начала реализовывать новую геостратегическую составляющую своей внешней политики. Подход умеренных исламистов был направлен на повышение регионального статуса Турции: от положения претендента на роль регионального лидера до превращения в действительно могущественную региональную державу и влиятельного глобального игрока — в рамках концепции «Стратегической глубины» (Davutoğlu, 2013), нацеленной в первую очередь на формирование блока региональных союзников из числа стран, ранее входивших в состав Османской империи: Египта, Ирака, Туниса, Алжира, Ливии, а также Сирии (в турецком понимании только после смещения Башара Асада) и других государств, которые на современном этапе примут Турцию в качестве своего лидера (Ирхин, 2018).

В 2008 г. во время Августовской войны Турция, по сути, заняла сторону России, не допустив в критический момент американские корабли в Черное море на основании Конвенции Монтрё. Предполагалось, что Турция, будучи членом НАТО, присоединится к большинству западных стран, осудивших действия РФ в рамках конфликта в Южной Осетии. Турция же неожиданно выступила с предложением создания так называемой Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе. Возможно, резкое вмешательство ТР в дела Кавказского региона было тщательно спланировано, и она использовала ухудшение ситуации в Южной Осетии для реализации своих давних намерений по проникновению в регион, что долгое время являлось проблематичным вопросом для турецкой элиты.

Концепция ПССК была нацелена на сотрудничество трех стран Южного Кавказа — Грузии, Армении, Азербайджана — с Турцией

и Россией и разрешение существующих конфликтов при посредничестве последних (Кочарян, 2015, с. 92). Грузинский эксперт М. Манчхашвили отмечает, что реакция Вашингтона на инициативу Турции оказалась весьма сдержанной, и подчеркивает, что, по словам заместителя помощника госсекретаря США по европейским и евразийским делам М. Брайзы, американская сторона была даже не проинформирована об этом, хотя в Белом доме считали необходимым более тесное сотрудничество с союзной Турцией, тем более что у двух стран много общих интересов (Манчхашвили, 2010, с. 102). При этом руководство Армении предложило расширенный формат, вовлекающий в проект США и ЕС: 3+3+2 (Армения, Азербайджан, Грузия + Россия, Турция, Иран + США и ЕС) (Манчхашвили, 2010, с. 101). Однако именно турецкое предложение получило поддержку в Москве.

Хотя ПССК оказалась нежизнеспособной в плане разрешения основных противоречий на Кавказе, она сыграла значительную роль для укрепления и продвижения турецких интересов в регионе. Кратковременный и ситуативный турецко-российский альянс состоялся за счет интересов США и ЕС, а также игнорирования региональных позиций Ирана, который только через год присоединился к платформе. В дальнейшем по мере продвижения Турции на Южном Кавказе столкновение с российскими интересами становилось неизбежным, что и проявилось в 2020 г. во время очередной разморозки карабахского конфликта.

После воссоединения Крыма с Россией ТР столкнулась с рядом вызовов в ЧР. Турция восприняла переход Крыма под юрисдикцию России как меньшее зло по сравнению с появлением американских баз на полуострове, однако обратной стороной стало усиление России не только в ЧР, но и в Средиземноморском регионе — зоне турецкого ближнего зарубежья. Ответом ТР стало создание военно-морской базы на Черном море в провинции Трабзон в г. Сюрмене (270 км от г. Сочи), развитие военно-технического сотрудничества с Украиной, публичная дипломатическая

поддержка крымских татар и украинской позиции в отношении «аннексированного Крыма», которая ежегодно декларируется турецким МИД накануне 16 марта⁹, то есть усиление своих позиций в ЧР. Однако самым большим вызовом для российской внешней политики является реализация проекта по созданию параллельного Босфору и Дарданеллам искусственного канала «Стамбул» с выдающейся пропускной способностью [Современная Турция..., 2019, с. 48—52), который может в перспективе поставить под вопрос функционирование отдельных пунктов конвенции Монтрё, действующей с 1936 г. и в настоящее время полностью отвечающей интересам РФ (Ирхин, Нелина, 2020, с. 27). Турция уравнивала воссоединение Крыма с Россией активной внешней экспансией на Южном Кавказе и Украине, по сути, взяв российские военно-политические позиции в Крыму в клещи.

Необходимо отметить эволюцию ГП ТР в отношении ЧР в период с 1991 г. до настоящего времени. Общерегиональный подход и роль проводника интересов США (1991 г. — начало 2000-х гг.) и других западных союзников после дезинтеграции СССР (ОЧЭС, участие в «Блэксифор») сменились более самостоятельной политикой в регионе с опорой на региональные силы, прежде всего Россию с начала 2000-х гг. до 2014 г. («Черноморская гармония», Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе), а затем более самостоятельными наступательными действиями после 2014 г. Новый курс предполагает возвращение к коалиционному подходу в рамках НАТО в Черном море и двустороннему сотрудничеству с Россией, если это необходимо для соблюдения интересов Анкары.

⁹ См.: No: 74, 16 March 2020, Press Release Regarding the Sixth Anniversary of the Illegal Annexation of Crimea // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. URL: https://www.mfa.gov.tr/no_74_-kirim-in-yasadisi-ilhakinin-altinci-yildonumu-hk.en.mfa (accessed: 07.04.2021); No: 105, 16 March 2021, Press Release Regarding the Seventh Anniversary of the Illegal Annexation of Crimea // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. URL: https://www.mfa.gov.tr/no_105_-kirim-in-yasadisi-ilhakinin-yedinci-yildonumu-hk.en.mfa (accessed: 07.04.2021).

Неизменным при этом остается одно — конвенция Монтрё, которая является для Турции *sine qua non*, впрочем, как и для России, что позволяет блокировать экспансию нерегиональных сил и сохранять эксклюзивную роль Турции для своих западных союзников и России.

ЧР в геополитических проектах РФ

Развал СССР привел к катастрофическим последствиям для исторической России. Потеря Южного Кавказа способствовала появлению стратегических опасений относительно возобновления влияния Турции; потеря Средней Азии породила чувство утраты значительных энергетических и минеральных ресурсов, равно как и чувство угрозы в связи с потенциальными миграционными проблемами; независимость Украины бросила вызов притязаниям России на предназначение быть знаменосцем всего панславянского сообщества (Бжезинский, 1999, с. 110). Кардинально изменился баланс сил в ЧР. Российская часть береговой линии Черного моря сократилась более чем в пять раз: с 2499 до 421 км по сравнению с советской. Ситуация изменилась после событий 2014 г., когда в составе РФ оказался полуостров Крым с береговой линией в 750 км, что позволило Москве вернуться к активной внешней политике в ЧСР.

Анализ российской внешней политики в отношении ЧР после дезинтеграции СССР позволяет сделать вывод, что все геополитические инициативы РФ были направлены на сохранение неизменности своего положения в нем как фактора обеспечения национальной безопасности. Логика сохранения статуса-кво стояла за действиями российской элиты при подписании Большого договора с Украиной в 1997 г. и передаче Севастополя с одновременной арендой главной базы Черноморского Флота РФ (ЧФ РФ) на 25 лет с возможностью пролонгации. Эта же логика прослеживалась во время Августовского конфликта в 2008 г. и воссоединения с Крымом в 2014 г., когда после «революции достоинства» в Украине стало понятно, что договоренности по ЧФ РФ будут денонсированы новым руководством украинского государства.

Логика сохранения статуса-кво прослеживается и во вмешательстве России в гражданскую войну в Сирии с целью сохранения военно-политических позиций в Средиземноморье, оставшихся после развала СССР.

Сохранение своих геополитических позиций проходит в рамках трех направлений: 1) военно-политическая активность, направленная на недопущение нового нерегионального игрока или расширение враждебного военно-политического блока на акваторию Черного моря; 2) евразийские интеграционные инициативы с попыткой пересобрать постсоветское пространство и 3) развитие новых трубопроводных проектов, позволяющих удерживать позиции России на энергетических транспортных потоках в рамках южного для себя коридора: из Каспийского региона в Средиземноморский. Все три направления внешней политики РФ в ЧР реализуются в пространстве жесткой конкуренции.

Доктор политических наук, профессор филиала МГУ в г. Севастополе, член Официальной делегации России на переговорах с Украиной по Черноморскому Флоту (до 2014 г.) С.А. Усов отмечает, что после развала Советского Союза Черное море, где СССР со своими союзниками прежде доминировал, стало сосредоточением различных интересов черноморских и нечерноморских государств, и эти интересы зачастую не только не совпадали, но и противоречили интересам России. С учетом всей совокупности политических, экономических и военных факторов Россия была заинтересована в сохранении ЧФ и его системы базирования в Севастополе и Крыму, оказавшихся на территории независимого государства Украина (Усов, 2003, с. 210). Однако кроме военно-политических и экономических интересов Крым и Севастополь как опорные пункты России в ЧР имели и иное значение: Е.М. Примаков в этом контексте отмечал, что «в сердцах преобладающей части русских, не только составляющих большинство населения этого города, и вообще русских, нахождение Севастополя вне России вызывало острую болезненную реакцию» (Примаков, 1999, с. 392).

Еще одна проблема после развала СССР становится для России вызовом, который

формирует несколько направлений внешней политики РФ. Как отмечают в работе «Черноморский узел» С.Р. Гриневецкий, С.С. Жильцов и И.С. Зонн, одной из главных проблем «Большого Черноморского региона» является достижение политической стабильности, напрямую связанное с решением вопроса взаимоотношений с непризнанными государствами. Без разрешения этих конфликтов регион не сможет стать зоной стабильности и процветания (Гриневецкий и др., 2007, с. 88).

Существенный вклад в концептуальное осмысление места РФ в ЧР после 1991 г. и возможных механизмов действия российского руководства в новых геополитических условиях внесла Н.А. Нарочницкая. Она отмечает, что выход в Балтийское и Черное моря, геополитические позиции Прибалтики и Крыма с Севастополем — «две самые стратегические точки, которых нас лишили. Еще русские государи пришли к выводу, что нельзя твердо стоять на Черном море, не имея за собой обеспеченный тыл — Кавказ» (Нарочницкая, 2009, с. 80, 236).

В процессе отстаивания своих позиций в ЧР российское руководство продолжительное время опиралось на позицию второй региональной державы в ЧР — Турции — и в целом до 2014 г. это было оправдано. До 2014 г. Россия и Турция сдерживали попытки проникновения США в регион за счет формирования, по сути, регионального военно-политического альянса в районе Черного моря и Черноморских проливов, что формализовалось в таких проектах, как «Блэксифор» (2001 г.), «Черноморская гармония» (2004 г.) и Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе (2008 г.). Однако после 2014 г. региональная военно-политическая ситуация усложнилась и Турция присоединилась к коалиционному «сдерживанию» России в ЧР.

Последствия воссоединения Крыма с Россией формируют для США возможности приступить к третьей по счету попытке реализации проекта Большой Черноморский регион и Евроатлантическое Причерноморье за счет расширения евро-атлантической общности на восток ЧР: Украину, Грузию,

Армению и Азербайджан. Однако реализация данных геополитических проектов разбилась о твердость российской позиции, проявившуюся в августе 2008 г. и 2014 г. После 2014 г. в ЧР сложилась новая геополитическая реальность — США и их союзники вступили в непосредственное военно-политическое, близкое к силовому, взаимодействие с Россией.

Следующим направлением сохранения своих позиций в ЧР стала интеграционная политика РФ на постсоветском пространстве: СНГ, Евразийский союз, ОДКБ, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Таможенный союз. Восстановление единства постсоветского пространства было одним из приоритетов российской внешней политики. В 2011 г. В.В. Путин в газете «Известия» выступил со статьей «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня»¹⁰, которая по сути была его программой перед президентскими выборами 2012 г. Ядро евразийских интеграционных проектов должны были составить РФ, Украина, Белоруссия и Казахстан. Украина изначально уклонялась от прямого участия в евразийских интеграционных проектах, а «революция достоинства» 2014 г. и последующие события в российско-украинских отношениях отдалили Киев и Москву от создания общего геополитического пространства. В целом полноценная реализация идей евразийской интеграции в настоящее время отложена российским руководством до более благоприятного исторического периода, что связано с выбыванием из евразийских интеграционных проектов ключевого элемента — Украины.

Третьей проекцией сохранения своих позиций в ЧР стали трубопроводные энергетические проекты: «Голубой поток» и «Турецкий поток», которые направлены на стратегическое сотрудничество с Турцией, носящее, однако, проблемный характер вследствие стремления Анкары получить непосредствен-

ный выход к энергетическим ресурсам ЧКР. Россия в начале XXI в. реализовала проекты нефте- и газопроводов в регионе на опережение, получая преимущество в этой сфере конкуренции, однако впоследствии это преимущество было утрачено. Российский нефтепровод Тенгиз — Новороссийск был введен в строй в 2001 г., и путем невероятных усилий казахстанская нефть пошла по этому пути, тогда как нефтепровод Баку — Джейхан, составляющий сердцевину американской политики на Каспии, был отложен на непродолжительный срок и начал функционирование в 2005 г. (Магомедов, 2005, с. 27, 32).

Таким образом, российские проекты в отношении ЧР после драматической потери геополитического пространства в результате поражения в холодной войне связаны с консервацией существующего положения. Все российские военно-политические механизмы в ЧР подчинены логике защиты и сохранения регионального статуса-кво, сложившегося после окончания холодной войны.

Выводы

Формирование современного геополитического облика ЧР осуществляется за счет советского наследия, и *первый* этап этого процесса пришелся на 1992—1996 гг., когда реализовывались крупные интеграционные инициативы — провозглашение ОЧЭС и его институционализация, направленные на постепенное дистанцирование бывших союзных республик от Москвы. *Второй* этап — 1997—2001 гг. — был связан с усилением внимания к региону со стороны США и ЕС. *Третий* — 2001—2008 гг. — определялся действиями США после событий 11 сентября 2001 г., началом операции в Афганистане, американской интервенцией в Ирак, возрастанием роли каспийской нефти, «цветными революциями» в Грузии и Украине, вступлением Болгарии и Румынии в НАТО и ЕС, а также политикой РФ, направленной на укрепление своих позиций в регионе за счет активизации трубопроводной политики. С августа 2008 по 2014 г. длился *четвертый* этап развития ситуации в регионе, связанный с Августовской войной, усилением позиций

¹⁰ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 04.10.2011. URL: <https://web.archive.org/web/20130224030806/http://izvestia.ru/news/502761> (дата обращения: 09.04.2021).

ЕС, наступлением мирового финансового и экономического кризиса. Воссоединение Крыма с Россией в 2014 г. начинает *пятый* этап развития ЧР, который характеризуется ростом военно-политической конкуренции на региональном и глобальном уровне, повышением интенсивности экспансии НАТО, армяно-азербайджанским конфликтом в Нагорном Карабахе осенью 2020 г.

Тот факт, что основным ресурсом конструирования ЧР выступает в большей мере геополитическое пространство России, позволяет сделать вывод, что он построен за счет России, а продолжение этого движения направлено на то, что этот процесс планируется завершить и без России. На системном уровне взаимодействие в регионе проходит в трех сферах: геополитической, энергетически-коммуникационной и цивилизационной.

Главным внерегиональным игроком являются США, для которых ЧР до начала XXI в. имел периферийное значение, где главной задачей выступало сдерживание России через слабо организованные объединения (ОЧЭС, ОДЭР — ГУАМ) и поддержку Турции. Однако после 11 сентября 2001 г. стратегическое значение ЧР для Вашингтона возросло и стало заключаться в его способности стать новой границей Евroatлантики (НАТО) и плацдармом для обеспечения своих интересов на Ближнем и Среднем Востоке.

Другим внерегиональным игроком является Китай, для которого значение ЧР состоит в его потенциальном включении в китайский мегапроект «Один пояс — один путь» как кратчайшем пути на европейский континент (Ирхин, Нелина, 2020, с. 24). После 2014 и 2016 гг., когда произошли два ключевых события — переход Крыма в состав России и начало процесса выхода Британии из ЕС — самостоятельную активность в отношении ЧР начинает проявлять также Лондон, имеющий давние интересы и традиции экспансии в регионе.

Главная ось внутререгиональной конкуренции в ЧР при существовании конвенции Монтрё сосредоточена на достижении регионального баланса сил России и Турции. Крушение СССР способствовало активному

продвижению Турцией своих ГП, включающих такие инициативы, как ОЧЭС, «Великий Туран», «Черноморская гармония», Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе, концепции «Стратегической глубины» и после 2016 г. — «Морального реализма». Помимо исключительно турецких интересов ряд этих инициатив направлен и на реализацию интересов США в регионе, являясь результатом пересечения ситуативных и долгосрочных интересов Анкары и Вашингтона.

Россия, восстанавливая свою роль на постсоветском пространстве, стремится к усилению позиций в ЧР через включение стран региона в евразийские интеграционные проекты. Украинский кризис продемонстрировал пределы реализации данной стратегии и сформировал контуры нового подхода к региону, базирующегося на усилении военноморского присутствия и доминировании в сфере энергетической инфраструктуры ЧР.

Европейские интересы в ЧР первоначально реализовывались через Европейскую политику соседства, но с 2007 г. после расширения Евросоюза за счет Румынии и Болгарии ЕС становится внутререгиональным игроком и оформляет собственную стратегию в регионе в концепции «Черноморской синергии», не встретившей поддержки других региональных держав, в первую очередь России. На современном этапе ЕС реализует свои интересы через «Восточное партнерство» и развитие двусторонних отношений с целью расширения импорта каспийских энергоресурсов.

Авторы полагают, что возвращение Крыма в состав РФ рассматривается субъектами международных отношений как угроза существующему балансу сил, сложившемуся в регионе после окончания холодной войны. Сотрудничество и конкуренция по оси Россия — Турция будет сохранять свое приоритетное значение в регионе, но в процессе выстраивания самостоятельной региональной системы сдерживания Москва и Анкара будут использовать как собственные проекты, так и поддерживать либо блокировать инициативы других игроков, что актуализирует изучение эволюции реализуемых сегодня в пределах

ЧР геополитических проектов. При этом данная ось сохраняет свою приоритетность для региона при условии незыблемости сложившегося еще до Второй мировой войны порядка функционирования Черноморских проливов в рамках конвенции Монтрё.

В настоящее время ЧР в различных конфигурациях представляет собой «нервный узел» региональной и мировой политики, имеет огромные природные ресурсы и стратегически важные транспортные и энергетические коридоры, где столкнулись две тенденции развития современной системы международных отношений — глобализм и регионализм — логика универсального мирового порядка и реализация механизмов сфер влияния.

США, ЕС, Россия и Турция активно реализуют геополитические проекты в отношении ЧР. Причем если политика США, ЕС и Турции носит наступательный характер, то проекция РФ в отношении ЧР нацелена на сохранение статуса-кво после крушения советского геополитического пространства. Наступательный характер геополитических проектов США, ЕС и Турции и оборонительная политика России отражаются в доктринальных документах этих государств и позволяют сделать вывод, что современные конфигурации ЧР реализуются за счет России с дальнейшим стремлением выстроить новый геополитический облик ЧР и без России.

Поступила в редакцию / Received: 15.04.2021

Принята к публикации / Accepted: 10.06.2021

Библиографический список

- Асмус Р. Евро-Атлантическое Причерноморье // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5. № 3. С. 66—77.
- Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999.
- Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2007.
- Волович О. Політика Росії, Туреччини, США і ЄС в Чорноморсько-Каспійському регіоні: взаємодія і суперництво // Чорноморська безпека. 2008. Т. 1. № 7. С. 11—14.
- Гольцов А.Г. Региональный геополитический проект «Междуморье»: перспективы реализации // Сравнительная политика. 2016. Т. 7. № 4. С. 95—107. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-95-107
- Гончаренко О. Чорноморсько-Каспійський регіон: регіональні структури безпеки та демократичний контроль // Чорноморська безпека. 2005. № 1. С. 3—9.
- Горюнова Е. Программы трансграничного сотрудничества как фактор реализации Европейской политики соседства в Украине // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 3 (18). С. 107—114.
- Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Черноморский узел. М.: Международные отношения, 2007.
- Дергачев В. Новая геополитическая архитектура Черноморского региона // Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины: материалы Международного круглого стола, 14—17 июня 2008 г. Симферополь: СОНАТ, 2008. С. 22—23.
- Иваницкая Н.А. Роль ОЧЭС в развитии экономического взаимодействия в Причерноморье (2014—2019) // Лазаревские чтения. Причерноморье: история, политика, география, культура: сборник материалов XVII Международной научной конференции 7—9 октября 2020 г. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2019. С. 235—237.
- Ильин М.В. Балто-Черноморская система. Матрицы и перспективы восточноевропейского политического развития // Космополис. 2008. № 1. С. 180—195.
- Ильин М.В. Геохронополитика Балто-Черноморья // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 1. С. 49—58.
- Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. Балто-Черноморье в двойной системе Европа — Азия // Балтийский регион. 2012. № 2. С. 81—97.
- Ирхин А.А. Американский план «Большой Ближний Восток» и концепция «Стратегической глубины»: вызовы и возможности для российской внешней политики в Черноморско-Средиземноморском регионе // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 98—104. DOI: 10.17223/15617793/432/12
- Ирхин А.А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины. Севастополь: Рибэст, 2011.
- Ирхин А.А., Москаленко О.А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник Российского университета дружбы

- народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 91—107. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107
- Ирхин А.А., Нелина Л.П.* Россия и Турция в Черноморском регионе: диалектика сотрудничества и конкуренции региональных держав после 2014 года // Причерноморье. История, политика, культура. 2020. № 29. С. 21—27.
- Королев В.И.* Антитеррористическая операция «Черноморская Гармония» как один из инструментов обеспечения безопасности в Черноморском регионе // Морской сборник. 2011. № 6. С. 25—28.
- Косикова Л.С.* Восточное партнерство Евросоюза со странами СНГ и интересы России // Россия и современный мир. 2012. № 1 (74). С. 171—190.
- Кочарян Л.С.* Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2015. № 1. С. 92—98.
- Левик Б.* Концепція балто-чорноморського союзу і пострадянський простір // Схід. 2014. № 5 (131). С. 80—84.
- Левченков А.С.* Концепция Балто-Черноморской дуги и украинская внешняя политика (1990-е — начало 2000-х гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2020. № 4. С. 89—108. DOI: 10.28995/2686-7648-2020-4-89-108
- Магомедов А.К.* Каспийская нефть, география и геополитика в начале XXI века // Россия и современный мир. 2005. № 4. С. 22—41.
- Максименко Л.* Проблеми безпеки та політичної стабільності у Чорноморсько-Каспійському регіоні: генезис та еволюція конфліктів (на прикладі Таджикистану, Киргизії, Узбекистану) // Дослідження світової політики. 2005. № 33. С. 136—149.
- Манчхашвили М.* Турция и безопасность Южного Кавказа: «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе» // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 11. № 4. С. 100—107.
- Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в современном мире. М.: Алгоритм, 2009.
- Нечаев В.Д., Чихарев И.А., Ирхин А.А., Маковская Д.В.* Концепция геостратегического атласа Большого Средиземноморья // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2019. № 1. С. 67—74.
- Никифоров А.Р.* Черноморский регион: опыт пространственных измерений // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4. № 2. С. 47—52.
- Никифоров А.Р.* Черноморский регион: пространство и время // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2016. Т. 2. № 4. С. 78—87.
- Папава В.* О роли «кавказского тандема» в ГУАМ // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 3—4. С. 50—59.
- Паиковская И.Г.* Юбилей внешней политики Европейского Союза в регионе Черного моря: 10 лет Черноморской синергии // Мировая политика. 2017. № 2. С. 34—52. DOI: 10.25136/2409-8671.2017.2.23151
- Пенке Ю.* Восточная политика расширенного Европейского союза: политика «соседства» или восточное измерение? // Европа. 2005. № 5. С. 130—141.
- Примаков Е.М.* Годы в большой политике. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999.
- Современная Турция: тренды развития и значение для России* / под ред. И.Я. Кобринской, Л.С. Вартазаровой, С.В. Уткина. М.: ИМЭМО РАН, 2019. DOI: 10.20542/978-5-9535-0550-5
- Тупота О.М.* Госсекретарь Мадлен Олбрайт: личностный фактор в формировании и реализации региональной политики США // Причерноморье. История, политика, культура. 2011. № 7. С. 50—57.
- Тупота О.М.* Роль Черноморского региона в глобальной геостратегии США (1991—2013 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т. 1. № 4. С. 137—150.
- Усов С.А.* Проблема Черноморского флота и Севастополя в условиях распада Российской империи и СССР. Севастополь: Экокси-Гидрофизика, 2003.
- Чеботарь О.Г.* Черноморский регион в стратегических документах Европейского союза // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2019. № 4. С. 90—102.
- Чихарев И.А.* Большое Средиземноморье как многомерный объект политических исследований // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 129—146. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.09
- Шаклеина Т.А.* Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 2. С. 29—39.
- Шамин И.В.* Геополитическое положение Российской Федерации в рамках постбиполярной системы международных отношений // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 3. С. 47—53.

- Язькова А.А. Проблемы формирования и развития региона // Большое Причерноморье: геополитика и геоэкономика: Выступления участников круглого стола 8 июня 2016 г. М.: Институт Европы РАН, 2016. С. 1—10.
- A New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region* / Ed. by R. Asmus, J. Forbrig, K. Dimitrov. Washington D.C.: The German Marshall Fund of the United States, 2004.
- Asmus R. Developing a New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region // *Insight Turkey*. 2004. Vol. 6. No. 3. P. 43—65.
- Aydin M. Europe's Next Shore: the Black Sea Region after EU Enlargement // *EU Institute for Security Studies Occasional Papers*. 2004. No. 53. P. 1—37.
- Bryza M. The Policy of the United States toward the Black Sea Region // *Next Steps in Forging Euroatlantic Strategy for the Wider Black Sea* / Ed. by R. Asmus. Washington D.C.: The German Marshall Fund of the United States, 2006. P. 37—42.
- Cohen A., Irwin C. U.S. Strategy in the Black Sea Region // *Heritage Foundation*. 2006. No. 1990. P. 1—11.
- Davutoğlu A. *Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu*. Istanbul: Kure Yayinlari, 2013.
- Irkhin A.A., Moskalenko O.A. Russia's Foreign Policy in the Great Mediterranean: Prospects and Constraints // *Geopolitics Quaterly*. 2020. Vol. 15. No. 56. P. 110—121.
- Sinovets P., Maksymenko I. The Baltic—Black Sea Region in Great Powers' Relations: The Hard Power Aspect // *Baltic-Black Sea Regionalisms. Patchworks and Networks at Europe's Eastern Margins* / ed. by O. Bogdanova, A. Makarychev. Cham: Springer International Publishing, 2020. P. 75—86. DOI: 10.1007/978-3-030-24878-9_6
- Zahigaev B. One of the Limitrophe Territories of the Global World (Transformation of the States of the Baltic-Black Sea Region in the 21st Century). Part I // *Central Asia and the Caucasus*. 2009. No. 4—5. P. 106—117.

References

- Asmus, R. (2004). Developing a New Euro-Atlantic strategy for the Black Sea region. *Insight Turkey*, 6(3), 43—65.
- Asmus, R. (2007). The Euro-Atlantic Black Sea region. *Russia in Global Affairs*, 5(3), 66—77. (In Russian).
- Asmus, R., Forbrig, J., & Dimitrov, K. (Eds.). (2004). *A new Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea region*. Washington D.C.: The German Marshall Fund of the United States.
- Aydin, M. (2004). *Europe's next shore: The Black Sea region after EU enlargement*. EU Institute for Security Studies Occasional Papers, (53), 1—37.
- Bryza, M. (2006). The policy of the United States toward the Black Sea region. In R. Asmus (Ed.), *Next steps in forging Euroatlantic strategy for the wider Black Sea* (pp. 37—42). Washington D.C.: The German Marshall Fund of the United States.
- Brzezinski, Zb. (1999). *The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ. (In Russian).
- Brzezinski, Zb. (2007). *The choice: Global domination or global leadership*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ. (In Russian).
- Chebota, O. G. (2019). Black Sea region in the EU strategic documents. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*, (4), 90—102. (In Russian).
- Chikharev, I. A. (2021). The Great Mediterranean as a multi-dimensional object of political research. *Polis. Political Studies*, (3), 129—146. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.09>
- Cohen, A., & Irwin, C. (2006). *U.S. strategy in the Black Sea region*. Heritage Foundation, (1990), 1—11.
- Davutoğlu, A. (2013). *Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu*. Istanbul: Kure Yayinlari.
- Dergachev, V. (2008). New geopolitical architecture of the Black Sea region. In *Security problems of the Black Sea region and the neutral status of Ukraine: Materials of the International round table*, June, 14—17, 2008 (pp. 22—23). Simferopol: SONAT. (In Russian).
- Goltsov, A. G. (2016). Regional geopolitical project “Intermarium”: Perspectives of realization. *Comparative Politics Russia*, 7(4), 95—107. (In Russian). [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4\(25\)-95-107](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-95-107)
- Goncharenko, O. (2005). The Black Sea and Caspian region: Regional security structures and democratic control. *Black Sea Security*, (1), 3—9. (In Ukrainian).
- Goryunova, E. (2011). The programs of trans-border cooperation for Ukraine as a factor of realization of the European Neighborhood Policy. *Ojkumena. Regional Researches*, (3), 107—114. (In Russian).
- Grinevetski, S. R., Zhiltzov, S. S., & Zonn, I. S. (2007). *The Black Sea knot*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ. (In Russian).
- Ilyin, M. V. (2008). The Baltic and Black Sea system. Matrices and prospects for Eastern European political development. *Cosmopolis*, (1), 180—195. (In Russian).

- Ilyin, M. V. (2009). Geochronopolitics of the Black Sea region. *MGIMO Review of International Relations*, (1), 49—58. (In Russian).
- Ilyin, M. V., & Meleshkina, Ye. Yu. (2012). The Baltic-Pontic region in the Europe-Eurasia dual system. *The Baltic Region*, (2), 81—97. (In Russian).
- Irkhin, A. A. (2011). *Geopolitical cycles of Eurasia and the national interests of Ukraine*. Sevastopol: Ribest publ. (In Russian).
- Irkhin, A. A. (2018). The U.S. Greater Middle East initiative and the Strategic Depth doctrine of Turkey: Challenges and opportunities for the Russian foreign policy in the Black Sea and the Mediterranean Sea region. *Tomsk State University Journal*, (432), 98—104. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/432/12>
- Irkhin, A. A., & Moskalenko, O. A. (2020). Russia's foreign policy in the Great Mediterranean: Prospects and constraints. *Geopolitics Quarterly*, 15(56), 110—121.
- Irkhin, A. A., & Moskalenko, O. A. (2021). “The World is Bigger than Five”. Turkey's emergence as a global actor in world politics: Prospects and challenges for Russia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 91—107. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107>
- Irkhin, A. A., & Nelina, L. P. (2020). Russia and Turkey in the Black Sea region: Dialectics of cooperation and rivalry of the regional powers after 2014. *Black Sea Region. History, Politics, Culture*, (29), 21—27. (In Russian).
- Ivanitskaya, N. A. (2019). The role of BSEC in the development of economic interaction in the Black Sea region (2014—2019). In *Lazarev's readings. Black Sea region: History, politics, geography, culture* (pp. 235—237): Materials of the XVII International scientific conference, October 7—9, 2020. Sevastopol: Lomonosov MSU Branch in Sevastopol. (In Russian).
- Kobrinskaya, I. Ya., Vartazarova, L. S., & Utkin, S. V. (Eds.). (2019). *Modern Turkey: Development trends and the meaning for Russia*. Moscow: IMEMO RAS publ. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0550-5>
- Kocharyan, L. S. (2015). “Stability and cooperation platform in the Caucasus”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, (1), 92—98. (In Russian).
- Korolev, V. I. (2011). Anti-terrorist operation “Black Sea harmony” as one of the tools for ensuring security in the Black Sea region. *Morskoy Sbornik*, (6), 25—28. (In Russian).
- Kosikova, L. S. (2012). The EU Eastern Partnership with the CIS countries and Russia's interests. *Russia and the Contemporary World*, (1), 171—190. (In Russian).
- Levchenkov, A. S. (2020). The concept of the Baltic-Black Sea Arc and Ukrainian foreign policy (1990 — early 2000). *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, (4), 89—108. (In Russian). <https://doi.org/10.28995/2686-7648-2020-4-89-108>
- Levyk, B. (2014). The concept of the Baltic-Black Sea Union and the post-Soviet Space. *East*, (5), 80—84. (In Ukrainian).
- Magomedov, A. K. (2005). Caspian oil, geography and geopolitics in the beginning of the 21st century. *Russia and the Contemporary World*, (4), 22—41. (In Russian).
- Maksymenko, L. (2005). Problems of security and political stability in the Black Sea-Caspian region: Genesis and evolution of conflicts (on the example of Tajikistan, Kyrgyzstan, Uzbekistan). *Research of World Politics*, (33), 136—149. (In Ukrainian).
- Manchkhashvili, M. (2010). Turkey and the security of the South Caucasus: “The Caucasus stability and cooperation platform”. *Central Asia and the Caucasus*, 11(4), 100—107. (In Russian).
- Narochnitskaya, N. (2009). *Russia and the Russians in the modern world*. Moscow: Algoritm publ. (In Russian).
- Nechaev, V. D., Chikharev, I. A., Irkhin, A. A., & Makovskaya, D. V. (2019). Framework of the geostrategic atlas of the Greater Mediterranean. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, (1), 67—74. (In Russian).
- Nikiforov, A. R. (2016). Black Sea region: Space and time. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology*, 2(4), 78—87. (In Russian).
- Nikiforov, A. R. (2018). Black Sea region: The experience of spacial measurements. *Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions*, 4(2), 47—52. (In Russian).
- Papava, V. (2008). On the role of “Causacian Tandem” in GUAM. *Central Asia and the Caucasus*, (3—4), 50—59. (In Russian).
- Pashkovskaya, I. G. (2017). EU foreign policy's jubilee: The tenth anniversary of the Black Sea Synergy Initiative. *World Politics*, (2), 34—52. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2017.2.23151>
- Penke, Yu. (2005). Eastern Policy of the enlarged European Union: Neighborhood policy or Eastern dimension? *Europe*, (5), 130—141. (In Russian).
- Primakov, Ye. M. (1999). *Years in big politics*. Moscow: Soveshenno Sekretno publ. (In Russian).

- Shakleina, T. A. (2011). Great powers in global and regional politics. *International Trends*, 9(2), 29—39. (In Russian).
- Shamin, I. V. (2012). The geopolitical position of the Russian Federation within the framework of the post-bipolar system of international relations. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*, (3), 47—53. (In Russian).
- Sinovets, P., & Maksymenko, I. (2020). The Baltic—Black Sea region in great powers' relations: The hard power aspect. In O. Bogdanova & A. Makarychev (Eds.), *Baltic-Black Sea regionalisms. Patchworks and networks at Europe's Eastern margins* (pp. 75—86). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-24878-9_6
- Tupota, O. (2011). Secretary of State Madeleine Albright: The personal factor in the formation and implementation of US regional policy. *Black Sea Region. History, Politics, Culture*, (7), 50—57. (In Russian).
- Tupota, O. (2015). The role of the Black Sea region in the global geostrategy of the USA (1991—2013). *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Culturology*, 1(4), 137—150. (In Russian).
- Usov, S. A. (2003). *The Black Sea fleet and Sevastopol problem under the dissolution of the Russian Empire and USSR*. Sevastopol: Ecossea-Gidrofizika publ. (In Russian).
- Volovich, O. (2008). The politics of Russia, Turkey, USA and EU in the Black Sea and Caspian region: Interaction and contest. *The Black Sea Security*, 1(7), 11—14. (In Ukrainian).
- Yazkova, A. A. (2016). Problems of formation and development of the region. In *The Great Black Sea region: Geopolitics and geoeconomics* (pp. 1—10). Reports of the participants of the round table, June 8, 2016. Moscow: Institut Evropy RAN publ. (In Russian).
- Zazhigaev, B. (2009). One of the limitrophe territories of the global world (transformation of the states of the Baltic-Black Sea region in the 21st century). Part I. *Central Asia and the Caucasus*, (4—5), 106—117.

Сведения об авторах: Ирхин Александр Анатольевич — доктор политических наук, заведующий кафедрой «Политические науки и философия» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета; ORCID: 0000-0001-7895-550X; e-mail: alex.irhin@mail.ru
Москаленко Ольга Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета; ORCID: 0000-0002-4162-3162; e-mail: kerulen@bk.ru

About the authors: Irkhin Aleksandr Anatolievich — PhD, Dr. of Sc. (Political Sciences), Head, Political Science and Philosophy Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University; ORCID: 0000-0001-7895-550X; e-mail: alex.irhin@mail.ru
Moskalenko Olga Aleksandrovna — PhD in Philology, Associate Professor, Theory and Practice of Translation Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University; ORCID: 0000-0002-4162-3162; e-mail: kerulen@bk.ru